

«Она слышала только рёв собственной крови, и он казался ей грохотом. Так грохочет и ревёт надвигающийся скоростной поезд в ночном кошмаре, когда почему-то нельзя шевельнуть ни рукой, ни ногой, чтобы спастись, отползти с рельсов. Но в кошмаре было не так страшно, была надежда — вот, ещё чуть-чуть, последнее усилие и удастся пошевелиться, и ужас отступит.

Никакой надежды. Никакого сна. Всё происходит здесь и сейчас — наяву.

Она вдруг мимоходом удивилась — ну да, наяву. И именно с ней. В эту минуту.

Она прислушалась, но из-за пульсации и стука в ушах ничего не было слышно.

Она сглотнула сухую, как папиросная бумага, слюну, помедлила и выглянула из своего укрытия.

Ничего не видно, только плотный серый туман висел над берегом. Наверняка в такой оглушительной тишине рёв её скоростного поезда слышен издалека, и он её выдаст!..

Она вновь прижалась спиной к стене старого лодочного сарая.

Медлить нельзя, нужно спастись, но как, как?..

Впереди река, но её не переплыть, не одолеть течение и водовороты. Дальше по берегу, кажется, камыши и болото, не выбраться. Назад никак нельзя, там... они.

Остаётся сарай.

Очень осторожно, перебирая по влажным шершавым доскам обеими руками, словно слепая, она двинулась вдоль стены. Лишь бы не сломалась под ногами ветка, не скрипнула предательски старая доска!..

Щелястая дверь держалась на одной петле и была зачем-то подперта доской, но внизу оставался проём. Она стала на четвереньки и проворно забралась внутрь.

Здесь тоже висел туман, напозвший с реки, и было сумрачно.

Она села на пятки и огляделась — две перевернутые лодки, какой-то запущенный верстак, в углу навалены рыболовные сети.

Убежище так себе. Совсем никудышное. Если начнут стрелять, стены моментально разлетятся в щепки и ни от чего не укроют.

Она потрогала лодку, покачала туда-сюда. Очень тяжелая, словно дубовая. Под неё не подлезть.

Разве бывают дубовые лодки?..

У кого-то из поэтов было про дубовый чёлн, а может, он был не дубовый, а утлый, она забыла.

— Да некуда ей деваться, — громко сказали совсем рядом, словно говорящий стоял над ней. — Здесь где-то.

— А может, через реку махнула?

— Щас!.. Там верная смерть, течение даже мужик не одолет!

— Так может, утопла?

— Это бы хорошо, возни меньше. Эй, тут халабуда какая-то, взглянуть надо!

— Да точно она в воду кинулась! Баба же! Мозгов нет!

Девушка в сарае изо всех сил потянула на себя какую-то железяку, и лодка вдруг мягко перевернулась, оставив на земляном полу гору полуистлевших сетей. Девушка нырнула в лодку и мгновенно завалила себя серыми гнилыми верёвками.

В эту секунду дверь сарая распахнулась и, нагнувшись, вошёл высокий человек с винтовкой в руке.

— Ну чего там?! — прокричали снаружи.

— Да вот смотрю! — Высокий пнул ногой лодку. Она закачалась, заскрипела, но устояла. Девушка не издала ни звука.

Он подошёл ко второй лодке и заглянул под неё.

— Куда баба делась, — пробормотал он, — хрен поймёшь!..

— Чего там у тебя?

— Нет её тут!

— Говорю, вплавь решила!..

— Как это теперь проверить?!

— Не будем мы проверять!

— А если в кустах засела?

— Все кусты мы излазили!

Высокий человек ещё раз оглянулся вокруг, ткнул дулом карабина в старые сети. Дуло упёрлось в лодочное дно в сантиметре от её лица. Она зажмурилась.

— Хорош, пойдём отсюда!..

Высокий длинно выматерился, ударил ногой покосившуюся дверь и вышел из сарая.

Девушка лежала, заваленная сетями, боясь открыть глаза».

Тонечка поставила точку, моргнула, прогоняя из головы серый речной туман, старые лодки и бандитов.

На сегодня, пожалуй, хватит. Она сделала всё, что могла, и даже немножко больше.

— Я люблю тебя, жизнь, — пропела она фальшиво и потянулась, — что само по себе и не ново! Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова!..

В гостиничном номере было сумрачно — горела только настольная лампа. Который может быть час?.. Сколько она просидела за работой?

Впрочем, какая разница! Работа срочная, сценарий, как обычно, был нужен позавчера, съёмочный процесс запустить никак не могут, потому что сценарий не написан. Вот и призвали Тонечку, как лучшего сценариста, чтобы она написала быстро и качественно. Она согласилась — уж очень хорошие деньги пообещали за «быстро и качественно», так что теперь не имеет значения, сколько часов в день ей придётся просиживать за работой — взялся за гуж, не говори, что не дюж...

...И всё-таки какой там был чёлн, в стихах? Дубовый или углый?... Или тот и другой?

Ей очень хотелось есть, пить, лечь, закрыть глаза и ни о чём не думать.

Так есть и пить — или лечь и закрыть глаза?..

Она посмотрела в окно — на фонари и старинное здание театра. Этот театр она обожала и, приезжая в Нижний Новгород, всегда старалась попасть на спектакль.

Нужно будет Сашу сводить, он наверняка никогда не был в Нижегородском театре драмы!..

Тут она вдруг сообразила.

— Позвольте, — сказала она с громким удивлением. — А где мой муж?!

Муж уехал в гости к «старому другу», и это было... Тонечка посмотрела на время... Часов шесть назад, ничего себе!..

Она включила телевизор, позвонила на мужнин телефон, который, ясное дело, только уныло гудел ей в ухо.

— Александр Наумович, — сказала она телефону, — где вы есть-то?.. Отзовитесь!..

Абонент не отвечает, любезно сказал телефон женским голосом и предложил оставить сообщение после звукового сигнала.

Тонечка никаких сообщений оставлять не стала. Её муж никогда не пользовался автоответчиком.

...Или спуститься вниз, в ресторан? В этом отеле превосходный круглосуточный ресторан! Вчера по приезде они наужинались так, что Тонечка поклялась себе, что никогда в жизни больше куска в рот не возьмёт.

В принципе.

...Или принять душ и лечь? Если она ляжет, то сразу уснёт, а тут как пить дать явится муж-объелся-груш, разбудит, а потом она уж точно не заснёт!

— Как всегда в это время, — сказали из телевизора магическим голосом, — шоу «Любит — не любит» и его ведущая Гелла Понтийская. Представляю вам моих сегодняшних гостей.

— Какая ведущая? — заинтересованно спросила Тонечка у телевизора. — Как её звать? Гелла?!

Ведущая была «норм», как выражаются Тонечкины продвинутые дети: длинноногая, волоокая, грудастая и губастая. На Геллу, конечно, не тянет, но зато очень, очень современная красавица.

«Как вы узнали, что муж вам изменяет?» — пыталась ведущая смирную тётку лет шестидесяти. Тётка волновалась, цветастое платье ходило на ней ходуном.

«Дак я и не знала! Мне уж соседка сказала, Марья Павловна! Ваш-то, говорит, прощелыга, тихий-тихий, а на седьмой этаж шастает к Светке-козе!»

«И вы решили сделать тест ДНК», — подсказала Гелла.

«Я решила на лысину ему плюнуть, вот что я решила!» — рассердилась тётка.

Тонечка захохотала:

— Зачем ей тест ДНК? — спросила она у ведущей в телевизоре. — Чтобы установить, её муж или не её на седьмой этаж шастает?

Впрочем, тесты ДНК захватили нынче не только центральные каналы, но и региональные тоже. Господи, кто это смотрит, ну вот кто?!

— Ты же и смотришь, — сказала себе Тонечка и опять захохотала. — В данную минуту.

Она решила позвонить в ресторан и заказать еды в номер, даже трубку сняла, но тут в коридоре что-то с грохотом упало и как будто посыпалось, бабахнуло в стену.

Она подбежала и распахнула дверь. И взвизгнула.

Какая-то туша ворочалась на гостиничном ковре, пытаясь подняться. На голову туши была почему-то надета дикая плетёная шляпа, а вокруг рассыпаны яблоки — много!

— Что такое?! — выпалила Тонечка. — Вам помочь? Вам плохо?!

— Хорошо-о-о! — уверила туша и поднялась, опираясь руками о стену.

Поднявшись, она оказалась собственным Тонечкиным мужем Александром Германом, телевизионным продюсером и режиссёром.

— Я пришёл, — сказал Тонечкин муж, — на своих ногах, заметь!

— Я замечаю, — едва выговорила ошеломлённая Тонечка.

— Я тебе яблоки нёс, но растерял.

— Я нашла, — сказала Тонечка и сняла у него с головы корзину. — Ты проходи, проходи!..

Он ввалился в номер, дублёрка волоклась за ним по полу.

— Вот сюда, сюда давай! Ложись!

Он плюхнулся на кровать, запутался в дублёрке, стянул один башмак, а про второй забыл и полез к Тонечке с поцелуями.

— От тебя разит, как от самогонного аппарата!

Продюсер всех времён и народов нахмурился, на лице его отобразилась работа мысли.

— Не, — в конце концов обиженно сказал он. — Не было никакого аппарата. Мы самогонку не гнали!

Тонечка стащила с него дублёрку.

Он опять потянулся, чтоб поцеловать.

— Иди ты на фиг! — Она оттолкнула его физиономию. — Как ты в лифт зашёл? И кто тебя вёз?!

— Кто-то вёз, — признался Герман. — Я не помню. И яблоки потерял. Вкусные такие яблоки, красные. Кондрат тебе передал, а я потерял.

— Ты зачем корзину на голову надел, алкоголик?

— Я нннеее надевал!

Тонечка отбежала к чемодану, раскопала аптечку, которую всегда брала в поездки, немного там, у чемодана, поохотала сама с собой, бросила в стакан четыре таблетки растворимого аспирина и залила их водой.

Когда она вернулась к мужу, тот крепко спал, подложив под щёку башмак.

Тонечка забрала башмак, заставила страдальца сесть и выпить аспириновую воду.

Страдалец хныкал, мотал головой и пить отказывался.

— Нужно сейчас, — уговаривала Тонечка. — Иначе утром совсем плохо будет!

— Будет хорошо! — не соглашался её муж, но в конце концов всё допил.

Тонечка прикрыла его пледом, побежала в коридор и собрала в корзину рассыпанные яблоки. Они на самом деле были очень красивые — крепкие, зимние.

Когда она вернулась, муж, не разлепляя век, спросил строго:

— Зачем ты её позвала?

— Кого? — не поняла Тонечка.

— Эту Геллу из телика.

Тонечка оглянулась на экран, там вовсю продолжалось шоу «Любит — не любит».

— Гони её отсюда, — продолжал муж. — Она Ермаолаю всю жизнь испортила!

— Кто?!

— Гелла из телика. Она его жена.

— У тебя белая горячка, — констатировала Тонечка, — в начальной стадии.

— Что ты, — сказал муж, — нет у меня горячки. Я просто напился.

После чего захрапел так, что занавеска на окне, выходящем на драматический театр, пошла мелкой волной, и унять этот храп до самого утра не было никакой возможности.

Утро началось, как и полагается утру после грандиозной мужской попойки: муж стонал, что больше никогда не будет пить, жена отчитывала его за содеянное и параллельно лечила.

Фраза «Сколько раз я тебе говорила!» была повторена неоднократно.

— Хорошо ещё, я тебя вчера заставила аспирин принять, — говорила Тонечка, выжимая принесённый из ресторана лимон в стакан воды со льдом. — Господи, что за удовольствие так налакиваться!

— Да я же не специально, — морщась отвечал Герман. — Мы под разговоры и под закуску хорошую... Он же повар...

— Я знаю, что он знатный повар, ты мне все уши про это прожужжал! — Тонечка подала мужу воды, он жадно припал к стакану. — Только я не понимаю, как это связано! Повар обязательно должен надираться до поросячьего визга?! Я вообще не понимаю, как ты до номера дошёл, как тебя в отделение не забрали или не ограбили по дороге, честное слово!..

— Тоня, я не специально, — Герман выпил всю воду и теперь налитым кровью глазом косил на стол: там был стратегический запас воды, но о том, чтобы встать, подойти и налить, не могло быть и речи!

Тонечка, сообразив, налила ему ещё и поставила в изголовье кровати целую бутылку.

— У меня первый муж был алкоголик, — напомнила она тихо. — Он допился до психиатрической больницы.

Герман посмотрела на неё. В ушах у него шумело, в горле стояла гадость, голова была тяжёлой и словно пылала.

И тем не менее он рассердился.

— Не нужно никаких сравнений! — ответил он грозно. — Ещё не хватает! Я не алкоголик и не первый муж. Я твой единственный муж, и точка.

Тонечка наклонилась и с сочувствием поцеловала его в небритую щёку.

— Бедный ты мой пьянчужка.

— У меня голова вот с этой стороны болит, как будто я ударился.

— Ты и ударился, — сообщила жена. — Ты упал в коридоре, стукнулся о стену! Рассыпал яблоки и надел на голову корзину.

Он посмотрела на неё.

— Что, серьёзно? Или ты шутишь?

— Ничего я не шучу.

— Вот дела, — протянул Александр Герман задумчиво. — Вообще не помню.

— А ещё ты мне велел прогнать Геллу из телевизора, потому что она жена Ермолая.

— Здесь была Гелла?!

— Саш, хорош дурить, — сказала Тонечка с сердцем. — В телевизоре была ведущая, Гелла Понтийская какая-то! Ты в бреду решил, что она здесь, и велел её прогнать!

— Да я вчера на неё полвечера убил, — Герман сел, осторожно придерживая голову. — Она приехала, такие давала гастроли, прямо образцово-показательные! И что он ей жизнь испортил, и что она несчастная, и что она в соцсетях всем расскажет, как он её избивает!..

— Саш.

— А?

— Ты сейчас о чём говоришь?

— Я тебе рассказываю про Кондрата Ермолаева, моего старого друга, с которым мы вчера вместе пили! Он первоклассный...

— Повар! — перебила Тонечка. — Я знаю! На кого ты убил полвечера и кто давал гастроли?

— Ведущая эта, Гелла! Она его жена.

Тонечка зачем-то оглянулась на телевизор, словно Гелла, жена повара, могла внезапно выскочить оттуда. Телевизор не работал.

— Она приехала в самый... разгар, — продолжал её муж. — И сразу стала беситься и кидаться на Ермолая, а он...

— Он же вроде Кондрат.

— Кондрат Ермолаев он. Смирный мужик, но вчера тоже чего-то разошёлся!

— В смысле?..

— Ну, они почти подрались, — выговорил Герман неохотно. — Как в сериале, которые ты пишешь.

— Саш, я не пишу плохих сериалов!

— Значит, как в хорошем сериале подрались!

Почти.

— Но не подрались?

— Чтоб Кондрат женщину ударил?! Но послать ... послал. И она уехала.

Тонечка налила ему ещё воды и подсыпала льда из ведёрка.

— Ну, муж и жена одна сатана, — сказала она задумчиво. — Всякое бывает...

— Я, видишь ли, к семейным сценам непривычный, — он вдруг улыбнулся. — Ты же мне не закатываешь!

— А она прям... закатывала?

Герман кивнул. Он шумно хлебал воду из стакана.

— А когда она уехала, мы уж всерьёз за дело взялись. Я вообще не помню, на чём ехал, кто меня вёз, как я в лифт зашёл. Яблоки помню, Кондрат за ними в погреб лазал.

— А как ты корзину на голову надел, помнишь? — не удержалась Тонечка.